

ДЭН
БРАУН

ДЭН
БРАУН

ИНФЕРНО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-311.3
ББК 84 (7Сое)-44
Б87

Dan Brown
INFERNO

*Перевод с английского В.О. Бабкова (главы 1–52),
В.П. Гольшиева (главы 53–68)
и Л.Ю. Мотылева (главы 69–104)*

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Sanford J. Greenburger Assoc., Inc. и Andrew Nurnberg.

Graph «Special Report: How Our Economy is Killing the Earth» (*New Scientist*,
10/16/08) copyright © 2008 Reed Business Information – UK
All rights reserved. Distributed by Tribune Media Services.

*В оформлении обложки использованы материалы,
предоставленные фотоагентством FOTObank*

Браун, Дэн.
Б87 Инферно : [роман; перевод с английского] / Дэн Браун. — Москва :
Издательство АСТ, 2016. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-17-098080-2

...Оказавшись в самом загадочном городе Италии — Флоренции, профессор Лэнгдон, специалист по кодам, символам и истории искусства, неожиданно попадает в водоворот событий, которые способны привести к гибели все человечество... И помешать этому может только разгадка тайны, некогда зашифрованной Данте в строках бессмертной эпической поэмы...

УДК 821.111(73)-311.3
ББК 84 (7Сое)-44

© Dan Brown, 2013
© Jacket design by Michael J. Windsor, 2013
© Перевод. В.О. Бабков, 2013
© Перевод. В.П. Гольшев, 2013
© Перевод. Л.Ю. Мотылев, 2013
© М.Л. Лозинский, цитаты из «Божественной комедии»,
наследники, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Моим родителям...

*Самое жаркое место в аду
предназначено тем, кто
в пору морального кризиса
сохраняет нейтральность.*

Факты:

Все произведения искусства и литературы, а также научные данные и исторические события, упоминаемые в этой книге, реальны.

Консорциум — частная организация с отделениями в семи странах. Ее название изменено из соображений безопасности и конфиденциальности.

Инферно — преисподняя, изображенная в эпической поэме Данте Алигьери «Божественная комедия» в виде сложно организованного подземного царства, населенного так называемыми тенями, то есть бестелесными душами, навеки застрявшими между жизнью и смертью.

ГАЛЕРЕЯ УФФИЦИ. ФЛОРЕНЦИЯ

Пролог

Я Тень.
Я бегу по отверженному селенью.
Я спасаюсь бегством сквозь вековечный стон.

По берегам реки Арно я бегу, задыхаясь... сворачиваю влево, на улицу Каstellани, и устремляюсь на север в тени портиков Уффици.

Но они по-прежнему за мной гонятся.

Они идут по моему следу с неумолимой решимостью, и их шаги раздаются все громче.

Вот уже который год длится это преследование. Их настойчивость заставила меня скрыться в подполье... жить в чистилище... прозябать под землей, словно хтоническое чудище.

Я Тень.

Здесь, на поверхности, я обращаю взгляд к северу, но не могу отыскать прямой путь к спасению... ибо Апеннинские горы закрывают первый проблеск зари.

Я миную дворец, его зубчатую башню и часы с одной стрелкой... проскальзываю среди ранних уличных торговцев на площади Сан-Фиренце с их грубыми голосами и дыханием, отдающим лампредотто* и жареными оливками. Пересекаю площадь перед Барджелло, сворачиваю западнее, к шпилью Бадии, и с маху упираюсь в железную решетку у основания лестницы.

*Здесь надо, чтоб душа была тверда**.*

Я отворяю решетчатую дверь и ступаю в узкий проход, зная, что возврата оттуда уже не будет. С трудом заставляю свои ноги, будто налитые свинцом, передвигаться по старым, выщербленным мраморным ступеням, по спирали ведущим к небу.

Внизу слышится эхо голосов. Они зывают ко мне.

* Традиционное флорентийское блюдо из говяжьего сычуга с овощами и специями. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, цитаты из «Божественной комедии» Данте Алигьери даны в переводе М. Лозинского.

ШПИЛЬ БАДИИ. ФЛОРЕНЦИЯ

Мои преследователи не отстают — они уже совсем близко.
Они не понимают, что их ждет... и что я для них сделал!
*Неблагодарная земля!**

Я поднимаюсь, и меня вновь обступают навязчивые видения... тела сладострастников, корчащиеся под огненным ливнем, души чревоугодников, тонущие в нечистотах, мерзкие предатели, застывшие в ледяных тисках Сатаны.

Я преодолеваю последние ступени и еле живым выбираюсь наверх, во влажную утреннюю прохладу. Кидаюсь к высокому, в человеческий рост, парапету и смотрю в щель между зубцами. Далеко внизу простерт благословенный город, который служил мне убежищем от тех, кто меня изгнал.

Их голоса зовут, приближаясь. «То, что ты сделал, — безумие!»
Безумие порождает безумие.

«Ради любви к Господу! — кричат они. — Скажи нам, где ты его спрятал!»
Именно ради любви к Господу я им и не скажу.

И вот я стою, загнанный в угол, прижавшись спиной к холодному камню. Они смотрят в глубину моих ясных зеленых глаз, и их лица мрачне-

* Слова из сонета Микеланджело, посвященного Данте.

ют — уговоры сменяются угрозами. «Ты знаешь, что у нас есть способы. Мы вынудим тебя открыть, где оно».

Как раз поэтому я сейчас здесь, на полпути к небу.

Без предупреждения я оборачиваюсь и вскидываю руки, хватаюсь за высокий край парапета, подтягиваюсь и лезу туда — встаю на колени, потом на ноги... балансируя над пропастью. *Яви мне путь сквозь бездну, мой Вергилий!*

Они растерянно бросаются вперед, хотят схватить меня за ноги, но боятся, что я потеряю равновесие и упаду. Теперь они снова умоляют меня в тихом отчаянии, но я уже отвернулся от них. *Я знаю, что я должен сделать.*

Подо мной, в головокружительной дали, тянутся красные черепичные крыши — они похожи на огненное море, освещающее эту чудесную страну, по которой некогда бродили гиганты... Джотто, Донателло, Брунеллески, Микеланджело, Боттичелли.

Я подвигаюсь чуть ближе к краю.

«Слезай! — кричат они. — Еще не поздно!»

Ах вы, упрямые невежды! Неужто вы не видите будущего? Неужто не понимаете, как прекрасно мое творение? И как оно необходимо?

Я с радостью принесу эту последнюю жертву... а заодно и уничтожу последнюю вашу надежду найти искомое.

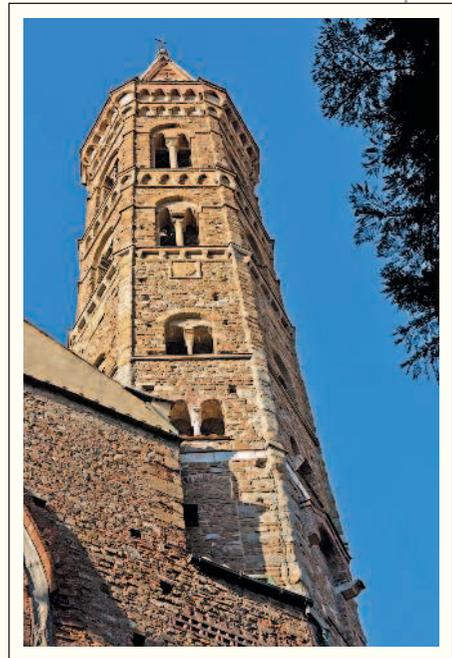
Вы ни за что не отыщете его вовремя.

Мощенная булыжником площадь в сотнях футов подо мной выглядит заманчивой, словно тихая гавань. Если бы мне еще хоть капельку времени... но время — единственное, чего не купить даже за все мои несметные богатства.

В эти последние секунды я озираю площадь внизу и вдруг ошеломленно замираю.

Я вижу там твое лицо.

Ты смотришь на меня из теней. Твой взгляд печален, и все же в нем сквозит благоговение перед тем, чего я достиг. Ты понимаешь, что у меня нет выбора. Ради любви к человечеству я должен защитить свой шедевр.

ФЛОРЕНТИЙСКОЕ АББАТСТВО

Даже сейчас он растет... выжидая... тихо побулькивая в кроваво-красных водах, куда не смотрятся светила.

И тогда я отрываю от тебя глаза и устремляю их к горизонту. Стоя высоко над этим измученным миром, я возношу свою заключительную молитву.

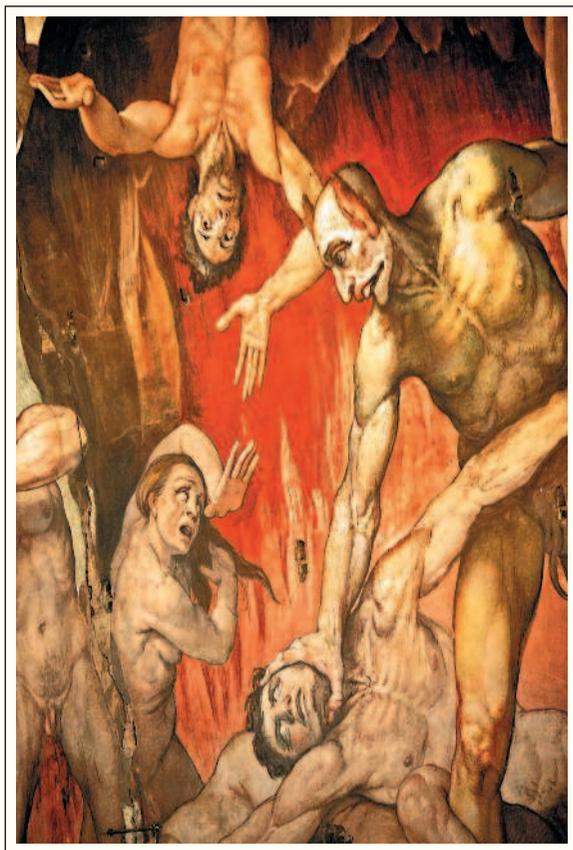
Господи, пусть мир вспоминает меня не как чудовищного грешника, а как достославного спасителя — ведь Ты знаешь, что такова моя истинная роль. Прошу Тебя, пусть человечество поймет смысл дара, который я ему оставляю.

Мой дар — будущее.

Мой дар — спасение.

Мой дар — Инферно.

Засим я шепчу «аминь»... и совершаю свой последний шаг — в бездну.

ФРЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АДА. ДУОМО, ФЛОРЕНЦИЯ

Глава I

Воспоминания всплыли медленно... как пузырьки из тьмы бездонного колодца.

Таинственная незнакомка.

Роберт Лэнгдон смотрел на нее через реку, бурные воды которой были красны от крови. Женщина стояла на другом берегу, повернувшись к нему, — неподвижная, величественная. Ее лицо было скрыто вуалью. В руке она держала голубую повязку — *таинию*, а затем подняла ее, отдавая дань уважения морю мертвецов у своих ног. В воздухе был разлит запах смерти.

Ищите, прошептала женщина. И найдете.

Ее слова будто раздались прямо у Лэнгдона в голове. «Кто вы?» — крикнул он, но не услышал собственного голоса.

Время уже на исходе, прошептала она. Ищите, и найдете.

Лэнгдон шагнул к реке, но понял, что не сможет перейти ее вброд: эти кроваво-красные воды были слишком глубоки. Когда он снова поднял глаза на незнакомку, тел у ее ног стало гораздо больше. Теперь их были сотни, а может, и тысячи — некоторые, еще живые, корчились, умирая в невыносимых муках... извиваясь в языках пламени, задыхаясь в экскрементах, пожирая друг друга. Над рекой разносились их страдальческие вопли, умноженные эхом.

Незнакомка двинулась к нему, протянув вперед грациозные руки, точно молила о помощи.

«Кто вы?» — снова выкрикнул Лэнгдон.

В ответ женщина подняла руку и медленно отодвинула вуаль. Ослепительно красивая, она была старше, чем ожидал Лэнгдон, — наверное, лет шестидесяти или чуть больше, статная и крепкая, как неподвластная времени статуя. У нее были волевой подбородок и глубокий проникновенный

Ищите,
и
найдете